

у первой неокантианское противопоставление гуманитарных и естественных наук, доведенное до принципиального агностицизма и скептицизма в отношении всяких обобщений и поисков исторических законов; у вторых — позитивистско-идеалистический социологизм Дюркгейма, игнорирующий историю, но ищущий социальных законов.

Попытка же Макариусов обнаружить социальные, классовые корни у современного структурализма — найти эти корни в самом духе эпохи монополистического капитализма, конечно, заслуживает внимания; однако она грешит чрезмерным упрощением действительности. Связь новых идейных течений в этнографии с духом эпохи отрицать нельзя. Но она не такая уж однозначная. А главное, конечно, неправильно изображать всю историю этнографической науки с начала нынешнего столетия как сплошное и неуклонное падение, а структурализм — как низшую точку этого падения. Если бы это было так, история нашей науки приняла бы довольно странный вид.

В этом-то, пожалуй, и заключается самое слабое место полемики Макариусов против Леви-Стросса. Poleмика эта ведется с позиций эволюционизма XIX в. Эта эпоха представляется авторам как пора расцвета этнографической науки, а всякое отступление от эволюционизма в последующее время — как регресс науки. При этом эволюционизм запросто отождествляется с историзмом. Однако трудно стать на сторону авторов в этом вопросе. Огромное прогрессивное значение трудов классиков этнографии в то время — особенно трудов Моргана — отрицать невозможно. Однако и вернуться в наши дни к уровню науки XIX в. мы не можем. Наука в целом, несмотря на отдельные попятные шаги, движется вперед.

Занятая авторами позиция объясняет нам и то, почему они, уже много раз выступавшие в печати по поводу взглядов и работ Леви-Стросса, до сих пор не нашли у него (или не сочли нужным отметить) ни одной положительной идеи. Не сказано ни одного доброго слова. Получилась картина, даже мало правдоподобная: крупный ученый, человек богатой эрудиции, располагающий своим огромным полевым материалом, за много лет добросовестного труда так-таки ничего полезного для науки не сделал, а только все время тянул и тянет науку назад. Едва ли серьезного читателя удовлетворит такой вывод.

И еще один минус книги Макариусов: авторы ни словом не упоминают те дискуссии, какие имели и имеют место по поводу структурализма и, в частности, о взглядах Леви-Стросса. Не говорят ничего о своих предшественниках и единомышленниках по критике этих взглядов. Создается впечатление, будто авторы книги впервые в науке взяли на себя задачу критически разобраться в спорных проблемах структурализма. Но ведь это не соответствует действительности.

В заключение надо сказать, что едва ли оправдана сама резкость и непримиримость постановки вопроса, выразившаяся даже в заглавии книги: «Структурализм или этнология». Подчеркивается несовместимость этих двух вещей: или ты структуралист, или ты этнолог, т. е. этнограф. Этнолог не может быть структуралистом, структуралист не может быть этнологом. Но так ли это?

С. А. Токарев

НАРОДЫ СССР

Е. П. Бусыгин, Н. В. Зорин, Е. В. Михайличенко. Общественный и семейный быт русского сельского населения Среднего Поволжья. Историко-этнографическое исследование (середина XIX — начало XX в.). Казань, 1973, 165 стр.

Рецензируемая книга — одно из свидетельств научной деятельности этнографов Казанского университета, с 1947 г. систематически изучающих русское сельское население Татарии. История этого населения органически связана со сложным миграционным движением русских в Приволжье, Заволжье, на Урал и в Сибирь, начавшимся со второй половины XVI в. Без конкретного представления об этом движении и его направлении, времени заселения русскими новых земель и их хозяйственном освоении нельзя выяснить характер хозяйственных, культурных, бытовых и идеологических взаимоотношений между оседавшим на территории Татарии русским и аборигенным населением. К сожалению, мы еще не располагаем новейшими обобщающими работами по истории заселения русскими Казанского Поволжья в XVI—XVIII вв. Посвящая свою книгу пореформенному периоду, авторы учли необходимость отразить особенности заселения русскими территории Татарии и в первой главе книги («Историко-этнографический очерк») показали, с одной стороны, хронологическую последовательность, а с другой — неравномерность заселения отдельных районов края со второй половины XVI в. и на протяжении последующих веков. Исследование, основанное на собранных путем многолетнего труда полевых, архивных и литературных данных, территориально охватывает всю бывшую Казанскую губернию и сопредельные с ней районы бывших Самарской, Симбирской, Уфимской и Вятской губерний. Наблюдения авторов о слож-

ном этническом составе переселенцев, об их чересполосном или совместном поселении с местным населением, о единой (в принципе) у тех и других ведущей отрасли хозяйства — земледелии — весьма существенны для понимания этнокультурных связей, отражавшихся в общественном и семейном быту русских. В этом же очерке подробно охарактеризована экономика сельских районов, уделено внимание разложению деревни под влиянием бурно развивавшихся во второй половине XIX в. капиталистических отношений. В частности, очень интересны результаты проведенного авторами анализа бюджетов 660 крестьянских семей в четырех русских селениях в конце XIX в. (стр. 35—38). Анализ органично дополняет широко привлекаемые авторами книги богатейшие материалы В. И. Ленина, приведенные в его книге «Развитие капитализма в России».

Положительной оценки заслуживает вторая глава «Общественная и культурная жизнь», в которой авторы рассматривают многообразные проявления этой жизни в рамках общинной сельской организации. Такой подход в современной историко-этнографической литературе осуществляется, пожалуй, впервые. Авторы прослеживают бытование различных по структуре типов общин — простых, сложных, раздельных, как с однопородным (русские), так и с разнонациональным составом населения (русско-татарским, русско-марийским, русско-чувашским), что уже само по себе представляется принципиально важным для характеристики повседневного и многообразного межэтнического общения (трудового, общественного, семейного). Авторы датируют появление этнически смешанных общин, а также общин, объединявших переселенцев из разных районов Центральной России, во второй половине XVI — начале XVII в. По наблюдению авторов, именно тогда русскими переселенцами было внедрено понятие «выть» как территориальной структурной единицы, так как его бытование в Казанской губернии во второй половине XIX в. совпадало с районами первоначального расселения русских (XVI — начало XVII в.). Эти наблюдения требуют, конечно, развития, и история общинной организации крестьянства на территории Татарии заслуживает специального исследования. Большую ценность для понимания земельного хозяйства общин в пореформенное время имеют приводимые в книге данные о трех типах земельных переделов: коренном (общем), частном и жеребьевке.

Длительная совместная жизнь в разных по этническому составу общинах способствовала не только культурно-бытовому взаимовлиянию, развитию многоязычия, но и выработке определенных правил общинного самоуправления. Авторы, очень живо и подробно описав устройство и функции общин, в частности, подчеркивают, что в разноэтнических общинах каждая этническая группа периодически получала преимущественное право на выбор своих кандидатов в старосты.

Не меньший интерес представляют наблюдения о привнесении русскими переселенцами, выходящими из разных областей Центральной России, своих представлений в те или иные народные праздники, а также о переосмыслении отдельных элементов верований представителями разных этнических групп под влиянием своих непосредственных соседей. Авторы справедливо считают, что многие этнические элементы русских народных праздников могут быть использованы в качестве дополнительных источников при изучении исторических связей между различными территориальными группами населения, а также при изучении происхождения и формирования этих групп (стр. 70). Весьма показательна в этом отношении картосхема распространения элементов масляничной обрядности, на основании которой можно судить о районной локализации традиций и обычаев, отнюдь не единообразных, на территории Казанской губернии во второй половине XIX в. и вместе с тем имеющих аналогии в различных губерниях России. Раздел этой главы, посвященный циклам народных праздников, особенно зимнего периода, содержит много тонких наблюдений об их особенностях.

В третьей, заключительной, главе книги, посвященной семье и семейному быту, авторы стремились раскрыть наиболее характерные явления, определявшие процесс развития семейного строя русских с момента заселения ими территории Татарии (разнотипная структура семей и их людность), своеобразие родственных и внутрисемейных отношений и распорядка жизни, проявлявшегося как в повседневном быту, так и в праздничной обрядности.

Авторы вполне обоснованно определяют преимущественное распространение трех культурно-бытовых комплексов, исторически сложившихся в процессе заселения русскими рассматриваемой территории. В северо-западном районе наблюдалось смешение элементов средневеликорусского с северовеликорусским укладом; в юго-западном — на фоне общего средневеликорусского комплекса отчетливо проявлялись южновеликорусские элементы. Наконец, у русского населения в восточном районе прослеживается синтез элементов, наблюдаемых у русских центральных, северо-восточных и южных районов России (стр. 162, 163).

Интересно написанная книга казанских этнографов заслуживает весьма положительной оценки. Авторов можно упрекнуть лишь в том, что подчас объяснение некоторых явлений не основывается на конкретном материале. Так, в частности, авторы полагают, что после реформы 1861 г. ревизская раскладка земли «обуславливалась фискально-крепостническими пережитками, стремлением собрать наибольшее количество податей» (стр. 65). Однако, не зная порядка персонального тяглового обложения в общинах в крепостное время, делать такой вывод преждевременно. Весьма сомнительна мысль о том, что введение подушной подати обуславливало равенство надельных участ-

ков на каждую ревизскую душу (стр. 48). Слишком прямолинеен также вывод о том, что под влиянием капиталистических отношений в деревне общественные праздники превращались в семейные (стр. 90). Требуется серьезной проверки мысль авторов о более демократическом характере больших семей, состоявших из женатых братьев, по сравнению с семьями, возглавлявшимися отцами (стр. 99, 100). Патриархальный уклад семейного быта разрушался по мере развития товарно-денежных отношений — в этом авторы правы (стр. 110), но этот процесс шел не после отмены крепостного права, как они думают, а значительно раньше.

В. А. Александров

Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. ХСVIII. Л., 1973, 260 стр.

В течение последних двух десятилетий Институтом этнографии АН СССР совместно с научными учреждениями среднеазиатских республик был опубликован ряд работ, связанных с подготовкой историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана¹. Одна из этих работ — рецензируемый сборник, выпущенный Институтом этнографии АН СССР и Институтом истории им. Ш. Батырова АН Туркменской ССР под редакцией С. М. Абрамзона и А. Оразова.

Сборник состоит из 19 статей и введения, написанного Т. А. Жданко, в котором кратко излагается структура готовящегося атласа.

Первой в сборнике помещена статья Б. В. Андрианова «К вопросу о классификации форм орошаемого земледелия в Средней Азии». Автор на основании анализа истории развития орошения в изучаемом регионе приходит к выводу, что приемы ирригации зависели не только от местных природных условий, но и в значительной степени от уровня развития общества и конкретной истории народов, обитавших в данной области. В процессе подготовки историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана по этой теме выяснилось, что у нас до сих пор нет обобщающих работ, которые можно было бы использовать для классификации форм орошаемого земледелия и составления карты в масштабах всей Средней Азии. Поэтому в основу карты следует положить данные, полученные в результате исследования истории орошения в основных природных зонах у разных народов.

Как бы продолжением работы Б. В. Андрианова являются некоторые другие статьи сборника, посвященные более частным вопросам. Так, например, в статье М. Аннанпесова «Из истории земледелия и ирригации у туркмен до присоединения к России» отмечается, что характерной чертой туркменского земледелия было повсеместное преобладание зерновых культур, хотя туркмены культивировали также хлопок, рис, бахчевые и овощные культуры; было им знакомо и садоводство. Автор подчеркивает, что в среднем течении Амударьи туркмены из-за острого недостатка пахотных земель не практиковали переложную систему поливного земледелия, которая была характерна для Южной Туркмении. В статье приведено большое количество сельскохозяйственных терминов; однако, к сожалению, их этимология отсутствует. Впрочем, этот недостаток присущ и многим другим статьям сборника.

Орошению у туркмен посвящена статья Д. М. Овезова «Кяризная система водоснабжения Копетдагской группы районов Туркмении в XIX — начале XX в.». В работе, написанной главным образом на основании полевых исследований автора, дается более детальное и всестороннее по сравнению с предыдущими работами, описание кяриза — оригинального устройства для добычи воды из-под земли, а также подробно рассматриваются орудия, которые употреблялись для рытья кяризов. Статья богато иллюстрирована.

На материалах полевых исследований, музейных и литературных данных написана статья А. С. Бежковича «Историко-этнографические особенности киргизского земледелия», в которой исследуются основные методы и приемы обработки почвы и ухода за растениями, а также сбора, обмолота и хранения урожая. Автор вводит в научный оборот ряд новых деталей, например по технике пахоты, сева и т. п. Большой интерес представляют отмеченные А. С. Бежковичем некоторые особенности киргизского земледелия, характерные только для кочевых и полукочевых народов Средней Азии и Казахстана: посев с коня, охрана полей верховыми, веяние при помощи ветра, а также сохранение у киргизов весьма архаических сельскохозяйственных орудий (например, серп из бараньей челюсти или из конского ребра), бытовавших здесь еще во второй половине XIX в.

¹ Подробно об этих работах см.: Т. А. Жданко, Историко-этнографический атлас Средней Азии и Казахстана (принципы и методы составления), «Сов. этнография», 1971, № 4.